

А.Г. Еманов

Тюменский государственный университет, Тюмень

КУЛЬТУРА ВОЗРОЖДЕНИЯ В АКСИОЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Понятие «Rinascita», «Renaissance», «Возрождение»

Считается, что понятие «Возрождение» было впервые употреблено в середине XVI в. Джорджо Вазари (1511–1574). Он писал по-итальянски, и найденное им слово звучало как «Rinascita»². Думается, однако, что идея возрождения была присуща человеческому сознанию задолго до эпохи, обозначенной этим словом, и задолго до Вазари. Она была ключевой уже в раннем христианстве; достаточно вспомнить евангельское «если кто не родится **вновь**, не может увидеть Царствия **Божия**» (Иоанн, 3, 3). Даже более архаическому сознанию был присущ архетип периодического возвращения к изначальным истокам.

Некоторые предшественники Вазари, в частности Франческо Петрарка (1304–1374), не используя термин «Возрождение», писали о своем времени как об эпохе, когда начали восстанавливаться античные науки и искусства. Именно такой смысл данной эпохе придавал и сам Вазари, начинавший ее отсчет с XIV в., с *Треченто*.

Общезначимость понятие «Возрождение» приобрело в середине XIX в., благодаря работам французского историка Ж. Мишле. Именно тогда и утвердилось во всех европейских языках французское слово «Ренессанс». Под эпохой *Возрождения*, или *Ренессанса*, стал пониматься наивысший расцвет итальянской и, шире, европейской культуры в XIV–XVI вв., сопоставимый по масштабности и значимости с расцветом культуры классической античности.

В то же время, в различных интеллектуальных традициях культура Возрождения интерпретировалась и интерпретируется по-разному. Если гуманисты (Дж. Вазари и др.), а вслед за ними про-

¹ Вазари Дж. Жизнеописание наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и *зодчих*. М., 1993–1994. Т. 1–5.

² Корень «нас» произведен от глагола «*nasco, nascere*» - рождаться; приставка «п-» указывает на повторность, обратимость действия.

³ Michelet J. *Histoire de France au seizieme siecle*. Paris, 1856. Vol. 7.

⁴ Вазари Дж. Указ. соч.

светители (Дж. Вико, Ф.М.А. Вольтер и др.) склонны были превозносить эпоху Возрождения как высшее достижение человеческого духа, то представители романтической историографии (Новалис, Ф. Шлегель, Ф.-Р. Шатобриан и др.), напротив, осуждали эту эпоху за разрушение идеала церкви, **развращение** нравов; они склонны были говорить не о «Возрождении», а о «вырождении».

Со второй половины XIX в. можно выделить две диаметрально противоположные тенденции в понимании культуры Ренессанса. Согласно первой, которую можно условно назвать «*модернизацией Возрождения*», ренессансная культура мыслилась как принципиально светская, основанная на частных интересах, индивидуальной психологии, конкуренции; представлялось, что именно в эту эпоху получили признание идеи естественных прав человека, частной собственности, свободы личности, республиканского устройства общества, парламентарности и конституционности, которые стали основой *modernity*, или современной культуры. Поэтому, в целом, культура Возрождения оценивалась как преодолевшая средневековые и феодализм. Такова позиция классиков ренессансоведения Г. Фойгта и Я. Буркхардта , а из последующих исследователей - А. фон Мартина .

Согласно другой тенденции, обозначаемой порой как «*медиевизация Возрождения*», опровергаются все «новые» качества этой культуры; **светскость**, в точном смысле этого слова, отсутствовала; те интеллектуалы, которые обнаруживали, как будто, мирской образ жизни, рано или поздно раскаивались; напротив, в эпоху Ренессанса проявлялась экзальтация религиозных чувств, усиление мистицизма, иноверия. Индивидуализм также оказывался не **ренес-**

⁵ Вико Дж. Основание новой науки об общей природе наций. М.: Киев, 1994; Вольтер Ф.М.А. Избр. соч. М., 1997.

⁶ Новалис. Фрагменты. Харьков, 1914; Шлегель Ф. Эстетика. Философия. Критика. М., 1983. Т. 1-2; Шатобриан Ф.-Р. Опыт исторический, политический и нравственный о древних и новейших переворотах, или взаимное сличение государств древнего и нового мира. СПб., Ч. 1-2; Он же. Замогильные записки. М., 1995.

⁷ Фойгт Г. Возрождение классической древности или первый век гуманизма. М., 1884–1885. Т. 1-2; Буркхардт Я. Культура Возрождения в Италии. СПб., 1876; переизд.: М., 1996.

⁸ Martin A. von. Burckhardt und Nietzsche philosophieren über Geschichte. Krefeld, 1948.

сансным открытием, но результатом религиозно-реформаторской деятельности Иисуса Христа; в принципах организации евангельской общины отыскивалась и свобода, и равенство, и республиканизм, которые никогда не исчезали в средние века. Поэтому Возрождение трактовалось не как нечто новое, принципиально противостоявшее старому, средневековью, а как продолжение того же средневековья, причем в его увядавшей стадии. Такова позиция К. Бурдаха и Й. Хейзинги, весьма выразительно озаглавившего свою книгу о ренессансной культуре Франции - «Осень средневековья»¹⁰.

Есть исследователи, занимающие крайне негативистскую позицию. Она берет начало от Ф. Ницше¹¹, называвшего культуру Возрождения «Великое напрасно». Позитивные идеи этой эпохи, по его мнению, обернулись своей противоположностью, привели к хаосу и насилию, реакции; открытия и изобретения были преданы забвению вплоть до XIX в.

Ряд ученых, в частности Дж. Сартон, Л. Торндайк¹², видят в ренессансной культуре проявление крайнего эгоцентризма, презрение к окружающим, ненависть к необразованной черни, не имеющей права на жизнь, безудержное стремление к удовольствиям и наслаждениям, стихию жесточайшей конкуренции, в которой приемы все средства. Возрождение в их трактовке регенерацией языческих культов и обрядности, осуждавшихся церковью как сатанизм, распространением языческих форм любви со всеми вытекающими из них извращениями; среди «открытий» Возрождения они называют первые описания венерических болезней, именно тогда получивших такое название, и способов их лечения, алкоголь и водку, гастрономические излишества и гурманство, нудистское искусство и пр.

Наиболее авторитетные в изучении ренессансной культуры исследователи, особенно П. Кристеллер и Э. Пановски¹³, не отри-

Burdach K, Reformation, Renaissance, Humanismus. В., 1935,

¹⁰ Хейзинга Й. Осень средневековья. М., 1989.

¹¹ Ницше Ф. Соч. М., 1997. Т. 1-2.

¹² Sarton G. and another. The Civilization of the Renaissance. Chicago, 1929; Thorndike L. Renaissance or Prerenaissance // The Journal of the History of Ideas, N.Y., 1943. Vol. 4.

¹³ Kristeller P. Studies in Renaissance Thought and Letters. Rome, 1956; Panofsky E. Renaissance and Renascences in Western Art. Stockholm: Almqvist & Wiksell. 1965.

цают амбивалентности и противоречивости эпохи Возрождения, признают неразрывную генетическую связь ее с эпохой средних веков, но, в то же время, настаивают на изменившемся, специфическом понимании всех ее фундаментальных принципов.

Место эпохи Возрождения в истории культуры

Казалось бы, этот вопрос достаточно прозрачен: эпоха Возрождения принадлежит либо концу средних веков, либо началу нового времени. Однако в XX в. появился ряд работ о множестве «возрождений до Возрождения»¹⁴. Стали раздаваться голоса о том, что начинать историю Возрождения следует не с Данте, а с Франциска Ассизского (1181–1226)¹, основателя нищенствующего монашеского ордена францисканцев, а еще вернее - с аббата Сугерия из Сен-Дени (1081–1151)¹⁶, покровительствовавшего наукам и искусствам, при котором был воздвигнут первый готический собор в Европе.

Был открыт «Ренессанс XII в.», представленный блестящей плеядой трубадуров, создателями рыцарского романа, первыми поколениями университетской профессуры, начавшими изучать римское право глоссаторами и т.п. Были описаны «Оттоновское Возрождение» X в., «Каролингское Возрождение» рубежа VIII–IX вв.

Однако все эти отмеченные периоды расцвета культуры с очевидными признаками повышенного интереса к древности существенно отличались от собственно Возрождения XIV–XVI вв. Предшествующие культурные подъемы правильнее называть «реновациями», то есть обновлениями. Тогда только начиналось формирование интеллектуальной элиты, охватившей очень узкий слой духовенства и рыцарства. Система ценностей, основывавшаяся на католичестве, оставалась неизменной, равно как неизменными оставались политические, правовые и социальные устои. В эпоху же Возрождения набрал силу новый социокультурный фактор - город, радикально повлиявший на изменение политической, правовой, социальной и общекультурной ситуации; резко расширилась сфера

¹⁴ Panofsky E. Renaissance and Resuscitations in Western Art.

¹⁵ Гуковский М.А. Итальянское Возрождение. М.; Л., 1947–1961. Т. 1–2; 2-е изд.: Л., 1990.

¹⁶ Лосев А.Ф. Эстетика Возрождения. Исторический смысл эстетики Возрождения. М., 1998.

образования, охватившая все сообщество горожан. Стала подвергаться трансформации традиционная система ценностей, сначала в рамках католической доктрины, а затем за ее пределами – в альтернативных мировоззрениях еретических движений и Реформации.

Одновременно с проблемой «ранних возрождений» встала проблема европейского и внеевропейских возрождений. Если вначале ренессансная культура признавалась исключительно достоянием Италии, то в дальнейшем ее сфера расширилась и стала включать в себя Францию, Испанию, Нидерланды. Основой Возрождения признавалось наличие античного наследия. Там, где оно присутствовало, и возможен был расцвет ренессансной культуры. Однако в середине XX в. получила признание концепция *Северного Возрождения*. Стала допускаться мысль о возможности приобщения к античному наследию посредством межкультурной коммуникации и тех народов, которые были пространственно удалены от фронта античной цивилизации и не испытали в древности ее прямого воздействия. Следуя этой научной новации, Д.С. Лихачев предложил идею *Русского Возрождения*¹⁹.

Наконец, стали обосновываться различные модификации восточных возрождений²⁰. Авторы подобных концепций отвергали теорию европейского Возрождения как атавизм европоцентристского мышления и утверждали всеобщность историко-культурного процесса, возможность национальных Возрождений на основе обращения к своей собственной древности.

¹⁷ Веселовский А.Н. Италия и Возрождение // Собр. соч. СПб., 1908. Т. 3; Корелин М.С. Ранний итальянский гуманизм и его историография. СПб., 1914. Т. 1; Дворжак М. История итальянского искусства в эпоху Возрождения. М., 1978. Т. 1-2; Арган Дж. История итальянского искусства. М., 1990. Т. 1-2; Шастель А. Искусство и гуманизм во Флоренции времен Лоренцо Великолепного. М.; СПб., 2001.

Бенеш О. Искусство Северного Возрождения. М., 1973.

¹⁹ Лихачев Д.С. Избр. работы. Л., 1987. Т. 1.

²⁰ Нуцубидзе Ш.И. Восточный Ренессанс и критика европоцентризма. М., 1941; Он же. Руставели и Восточный Ренессанс. Тбилиси, 1967; Конрад Н.И. Запад и Восток. М., 1972; Чельшев Е.П. Сопричастность красоте и духу: Взаимодействие культур Востока и Запада. М., 1991; Брагинский И.С. Иранское литературное наследие. М., 1984; Чалоян В.К. Армянский Ренессанс. М., 1963; Он же. Восток - Запад: Преемственность в философии античного и средневекового общества. М., 1979.

Наибольшей полемической силой выделялись работы Н.И. Конрада²¹, разработавшего концепцию *Китайского Возрождения*. По его убеждению, в китайской культуре получили развитие те же принципы, что и на Западе, причем на несколько столетий раньше.

Одним из исходных принципов ренессансной культуры, без которого невозможно говорить о Возрождении, был принцип восстановления авторитета древности. Он выражался в требовании «*ad fontes*» - «к первоисточникам». В китайской мысли подобная идея выявлялась начиная с VIII в. в императиве «фу-гу», т.е. «назад к древности».

При всей схожести западноевропейского и китайского понятий нельзя не заметить существенных отличий. На Западе исключалась мысль о воскрешении древности со всей ее политеистичностью, обоже- ствлением сил природы и жертвоприношениями; античный духовный опыт осваивался в определенных пределах и направлении с целью рационального обоснования новых требований - свободы воли, прав юридического лица, частной собственности и т.п.

На Востоке авторитет древности был высок всегда; современность непрерывно сопоставлялась с древностью; если первая сопровождалась кризисами, то это считалось следствием отступничества от норм второй, и именно тогда начинало звучать требование «фу-гу!» Отсюда традиционность восточного общества, его неизменность и нетерпимость к новому.

Другим фундаментальным принципом ренессансной культуры является *гуманность*. На Западе он передавался понятием «*studia humanitatis*», или «*humana studia*», и предполагал гуманитарное образование и воспитание. В китайской культуре подобная идея осмыслялась в категории «*жэнь*» - человеколюбие.

И здесь при кажущемся, удивительном параллелизме идей нельзя не увидеть неизмеримую дистанцию значений. На Западе *гуманность* представляла собой качество индивида любой социальной принадлежности, преодолевшее сословно-корпоративные границы, нейтрализовавшее традиционную иерархическую организацию общества.

На Востоке «*жэнь*» - это качество чиновника, консервировавшее иерархию и кастовую замкнутость; оно излишне для массы податного населения, отчуждавшегося от образования. «*Жэнь*» -

²¹ Конрад Н.И. Указ. соч.

это проявление мягкости, снисхождения и милосердия по отношению к нижестоящим в чиновничье-бюрократической деспотии.

Не удивительно, что лозунги «фу-гу» и «жэнь» не изменили основ китайского общества, типа его сознания и культуры, тогда как европейские требования «*ad fontes*» и «*studia humanitatis*» заложили фундамент новой рациональности и стали одним из факторов становления нового типа культуры.

Исключительное своеобразие эпохи западноевропейского Возрождения состоит как раз в том, что она не принадлежит ни средним векам, ни новому времени, а занимает некое переходное положение. Этой переходностью объясняется ее очевидная противоречивость и известная **нереализованность**.

Идеализация античности

Исходным принципом **ренессансной** культуры традиционно называют восстановление идеалов античности. Однако здесь еще предстоит определить роль античного наследия в **культуре XIV–XVI вв.**

Дело в том, что античность не забывалась на протяжении предшествующего тысячелетия, средневековые интеллектуалы неплохо знали ее традицию, владели формами и фигурами античной риторики, правилами античного стихосложения, умело подражая древним авторам. Наконец, только благодаря копированию древних **сочинений** в средневековых **скрипториях** оказалась сохраненной значительная часть античного духовного наследия.

Античность в средние века воспринималась без дистанции, как нечто живое и актуальное, как поле острейшего идейного противостояния и даже жестокой борьбы, как объект непрерывной критики и преодоления. Для нее характерны пафос и гнев, с которыми осуждались на Вселенских соборах сочинения Платона за содомию, словно он был современником церковных пуритов и должен был предстать перед их суровым судом.

Совершенно иначе стала восприниматься античность в эпоху Возрождения. Ее творения стали предметом отвлеченных размышлений, эстетического созерцания и восхищения. Именно тогда возникла дистанция между античностью и современностью. Достижения античных философов, поэтов и художников были вознесены на беспредельную высоту как недостижимые образцы, эталоны, по которым надлежит сравнивать и оценивать результаты современного творчества.

Ближайшим следствием такого отношения стало омертвление античного наследия, превращение его в музейный экспонат, упрятанный за стекло от прикосновений и даже дыхания посетителей. Неслучайно в эпоху Возрождения стали создаваться первые музеи, картинные **галереи**, библиотеки с книжными раритетами и антикварные магазины. Распространилась мода на собирание древностей, сделавшихся признаком принадлежности к элите; появилась страсть к коллекционированию древних монет, печатей и т.п. Тогда же возникла **археология**, призванная удовлетворять новые амбиции.

Стремление очистить от вульгаризмов латинский **язык**, восстановить его классически **правильные** формы привело к тому же следствию - омертвлению. Именно тогда латынь стала мертвым языком, на котором перестали говорить, за исключением немногих университетских профессоров.

Другой важный вопрос: что из античного наследия актуализировалось в эпоху Возрождения? И ответ здесь далек от однозначности. Искусство, научная и художественная литература классической Греции составляли лишь часть, причем далеко не основную, того, что **рецептировалось** в **XIV–XVI** вв. С неменьшей интенсивностью осваивались достижения эллинизма и позднеримской античности. В частности, в эпоху Ренессанса особое значение приобрела **герметическая традиция**, ядро которой составила «Изумрудная **скрижаль**» Гермеса Трисмегиста; от имени этого мифического автора в первые столетия нашей эры действовали несколько поколений эзотериков Александрийской школы. **Возрожденцы** интересовались и самой дикой архаикой, как греческой и римской, так и кельтской и даже германской.

Гуманистов привлекало не столько рациональное знание, выработанное античностью, сколько иррациональное - магия и астрология, техника гаданий и прорицаний. Все эти сферы иррационального признавались важнейшей частью новой универсальной науки - **натурфилософии**, получившей более высокий статус, нежели предшествующая «наука наук» - теология. Человек, познавший натурфилософию, овладевал способностью определять эволюцию мира. Отсюда столь пристальное внимание к учению Платона, к его доктрине **евгеники**, проектам идеального государства. Деятели эпохи Возрождения доходили до обожествления Платона, установления его культа. Во Флоренции была восстановлена Академия Платона, в главной зале которой стоял бюст древнегреческого мыслителя, и перед ним горела неугасимая лампада.

Третирование средневековья

Другой непременной чертой Возрождения называют резко критическое отношение к средневековью. Действительно, гуманисты отвергали средневековый схоластический стиль мышления за косность, приверженность догмам; сомневались в незыблемости авторитета папы и церкви, допускали возможность заблуждений в буллах великого понтифика и даже в постановлениях церковных соборов; они сомневались в качестве духовного наставничества католической церкви, в ее способности духовного лидерства в обществе, и потому подвергали полному осмеянию клириков.

Однако было бы заблуждением видеть за подобной критикой намерение гуманистов ниспровергнуть само христианство и утвердить чисто светское мировоззрение. Атеистическое мышление в ту эпоху было невозможно. Это могло быть не совпадавшее с католичеством убеждение - еретическое или протестантское, но не безрелигиозное. Примеры из жизни наиболее видных деятелей Ренессанса, способных снискать сомнительную славу богохульников, еще раз убеждают в истинности вышеуказанного.

Достаточно вспомнить Сандро Боттичелли (1445-1510), создателя первых картин с вызывающе обнаженной карнацией. Позднее, в годы республики Савонаролы, в 1494-1498 гг., он в порыве глубокого раскаяния собственноручно бросал в костер полотна с голыми телами и, изувечив бесстыдную руку, наложил на себя самую суровую для художника эпитимию - никогда впредь не прикасаться к кисти. Он умер в нищете и забвении, но в успокоении совести.

Другой интеллектуал, Джованни Боккаччо (1313-1375), автор полного непристойностей «Декамерона», живописавший плотскую любовь, также впоследствии отрекся от своего создания, уничтожил авторскую рукопись и всю дальнейшую жизнь посвятил церкви.

Леонардо да Винчи (1452-1519), державший препарировать мертвые тела, скрещивавший различные виды животных, занимавшийся алхимией и еще неведомым чем, забывавший о церковных обязанностях, вспомнил о всех своих прегрешениях перед смертью и принес самое искреннее раскаяние исповеднику, по завершении которого его душа была опущена.

В действительности отношение деятелей эпохи Возрождения к средневековью не однозначно. Наряду с критикой и отвержением, имело место заимствование и дальнейшее использование средневе-

ковой образности и типично **христанской** аргументации. Все-таки нельзя отрицать, что главными сюжетами размышлений и художественного творчества в XIV-XVI вв. оставались сюжеты типично средневековые; главными персонажами живописи и скульптуры были Иисус Христос, Дева Мария, апостолы и христианские Святые. Создатели **ренессансных** произведений пользовались тем же самым символическим языком, который был разработан средневековыми схоластами.

По-видимому, подлинный смысл отношения культуры Возрождения к наследию средневековья будет понятнее, если воспользоваться аналогией связи между отцом и мятежным сыном: сын отрывается от отца, предаёт его забвению, но по своей плоти и крови остается его продолжением.

Антропоцентризм ренессансной культуры

Если говорить о том, что принципиально нового было привнесено в **мировую** культуру эпохой Возрождения, то прежде всего необходимо указать на антропоцентрическую картину мира. Действительно, отличительной чертой древней культуры был **природоцентризм**, или пантеизм, выражавшийся в обожествлении природы; главной характеристикой средневековой культуры выступал **теоцентризм**, и только **ренессансная** культура открыла высшую ценность самого человека.

Антропоцентризм имел известной предпосылкой эволюцию **теоцентризма**, когда акцент с Бога-Отца переносился на **Бога-Сына**, очеловечившегося божества или обожествленного **человека**, когда центр тяжести в понимании последнего переместился с божественной природы Иисуса Христа на человеческую. Нелишне напомнить, что именно в эпоху Возрождения был установлен праздник Тела Христова, когда телесность вместо тысячелетнего поругания получила сакральную санкцию.

Антропоцентризм предполагает выдвижение человека в центр мироздания, на то **место**, которое прежде занимал Бог. Весь мир стал представляться производным от **человека**, зависимым от его воли, значимым только в качестве объекта приложения его сил и творческих способностей. Человек стал мыслиться как венец творения; в отличие от прочего **тварного** мира он обладал способностью творить подобно Небесному Творцу. Более того, опыт Христа,

средневековых аскетов и Святых убеждал в том, что человек в состоянии совершенствоваться и свою собственную природу.

Это центральное положение человека в мире может быть проиллюстрировано рассуждениями лидеров Платоновской Академии во Флоренции - Джованни Пико делла Мирандола (1462-1494) и Марсилио Фичино (1433-1499). Человек, по их убеждению, сотворен Богом лишь наполовину; дальнейшее довершение творения зависит от самого человека. Если он будет прилагать значительные духовные усилия, будет совершенствовать свою душу и дух посредством образования, воспитания и воздержания от низких желаний, то он будет восходить до уровня Святых, ангелов и даже Бога; если же он будет следовать низким страстям, вожделению, удовольствиям и наслаждениям, то он будет деградировать, опускаться до уровня скота.

Другой иллюстрацией изменившегося в XIV-XVI вв. понимания статуса человека является теория прямой перспективы в ренессансной живописи, разработанная Пьеро делла Франческа (1415-1492), Паоло Учелло (1396-1475), Лоренцо Гиберти (1378-1455), Филиппо Брунеллески (1377-1446) и др. Видимый мир, отраженный в картине, выстраивался по законам оптического сокращения: чем дальше объекты этого мира от зрителя, тем они меньше. Единственной точкой отсчета в таком искусственном конструировании мира выступал сам художник, мастер, творец, уподобляемый Небесному Мастеру, Первотворцу. Изменившийся характер взаимоотношений между творцом и творением, мастером и картиной привел к отказу от станковой живописи, привычной в средние века и сообщавшей ощущение приниженности художника, и к переходу к станковой живописи, ставшей достоянием Нового времени. Как раз в эпоху Ренессанса возникли подрамники, мольберты, стал использоваться холст, кисти и масляные краски. Именно в станковой живописи художник стал ощущать себя хозяином положения, определяющим происходящее; он мог вертеть изображенным миром, как ему заблагорассудится, удовлетворяя свои амбиции центра мироздания и не замечая иллюзорности этой ситуации.

Антропоцентризм, с одной стороны, обозначал радикальное открытие человека, превознесение его до центральной фигуры миропорядка, но, с другой стороны, тот же антропоцентризм создавал сильнейшую угрозу миру и человеку ниспровержением авторитетов Бога, церкви и христианской нравственности.

Другим важным достижением эпохи Возрождения является открытие индивидуальности, *individuum*²², социального атома нового времени.

Античности, даже несмотря на наличие ярких имен и судеб, индивидуальность была неизвестна; она **целиком**, без остатка поглощалась гражданской общиной. Тогда не могло существовать частной жизни, не связанной с исполнением бесчисленных гражданских обязанностей. Попытки настаивать на обособленности индивидуального существования воспринимались как вызов гражданскому обществу и заканчивались осуждением и изгнанием.

Первые предпосылки *индивидуализма* следует искать в христианской морали, **устанавливавшей** личную ответственность каждого верующего за исполнение индивидуального договора с Богом. Однако индивидуализм в средние века имел свои жесткие пределы, задаваемые сословными и корпоративными ограничениями.

И только в эпоху Возрождения *индивидуальность* стала получать признание общества как субъект права, обладатель особых личных **качеств**, обеспечивавших положение в обществе, носитель особого личного имени, отличного от прежней корпоративно-родовой традиции **антропонимии**. Характерно, что тогда же возникло и понятие **«личность»**, также важное для обнаружения индивидуальных качеств. Оно стало **передаваться** латинским словом *persona*. В античности подобным термином обозначался характерный персонаж сценического, театрального **действия**, названный так по обычаю использования артистических масок с выражением определенного эмоционального состояния, будь то гнев, радость, горе или меланхолия. В эпоху Возрождения термин *persona* стал обозначать физическое лицо в судопроизводстве. **Личность** стала мыслиться как обладающая особыми, природными, естественными правами, начиная с прав на жизнь, свободу и собственность и заканчивая правами на участие в управлении, законодательстве и суде.

²² Корень «*divid*» произведен от глагола «*divido, dividere*» - делить; приставка «*in-*» обозначает отрицание; «*individuum*» - то, что не поддается дальнейшему делению, неделимое. См.: Cassirer E. *Individuum und Kosmos in der Philosophie der Renaissance*. В., 1927.

²³ От латинского «*per suona*» - перед устами, поскольку театральная маска держалась на палочке перед устами актера.

Ближайшим следствием подобных изменений ментальности стала индивидуализация творчества, конкуренция, состязание и выявление лидерства, стремление утвердить свое личное авторство и превосходство. Именно тогда возникло представление об авторском праве, которое должно было защищаться законом. Время анонимного творчества, свойственное средневековью, закончилось. Поэты и писатели стали утверждать индивидуальное авторство, указывая на титульной странице публикуемых книг свое имя; художники использовали личные подписи и монограммы на лицевой стороне картин, а ювелиры и прочие мастера отмечали свои изделия личными клеймами. Тогда же возникли правила цитирования, составления библиографического аппарата, призванные защитить от обвинений в плагиате и удостоверить приоритет на авторство.

Одновременно стали организовываться публичные конкурсы, имевшие целью выявить лучших в том или ином виде искусства. Данте (1265-1321), а вслед за ним Петрарка и Боккаччо венчались лавровыми венками как лучшие поэты, для чего устраивалась особая церемония на Капитолийском холме в Риме, подражавшая античному ритуалу чествования триумфаторов. Джотто (1266-1337) признавался лучшим в живописи. Гиберти назывался победителем в конкурсе на создание лучшего рельефа врат Флорентийского баптистерия; он вырвал победу у таких мастеров, как Донателло (1386-1466) и Брунеллески. Леонардо да Винчи был первым во многих видах искусства - музыке, живописи, ландшафтном дизайне, инженерных проектах. Микеланджело (1475-1564) первенствовал в скульптуре, в живописи, архитектуре и поэзии.

Индивидуализм стал мощным стимулом развития культуры и европейского общества в целом, но он же одновременно порождал самые негативные качества человеческой природы. Крайним его проявлением стал эгоцентризм, признание исключительной значимости отдельного «я», игнорирование «другого»; достижение индивидуального успеха, славы, личного благополучия и комфорта обернулись презрением к социальным неудачникам, к людям, лишенным ярко выраженных творческих дарований, отвержением самых обычных добродетелей, известных менее развитым обществам - помощи слабым, бедным, заботы о близких, уважения к старшим; были **преданы** забвению такие ценности, как любовь, семья, родина.

Ренессансный гуманизм

Еще одним достоянием Ренессансной культуры принято считать гуманизм²⁴. О нем неизменно пишут все ренессансоведы, даже принадлежащие к противоположным научным направлениям и школам.

Здесь придется начать с того, что понятие «*humanitas*», от которого произведен термин гуманизм, или человечность, было известно еще с античности. Эта категория живо обсуждалась в философском кружке Сципиона Африканского на рубеже II–I вв. до н.э. Юный Цицерон начинал упражнять свои интеллектуальные способности рассуждениями о гуманности. Под гуманностью в эпоху античности понимались качества, отличавшие человека от животного, достоинства, возвышавшие человека гражданского общества над дикарем или варваром. Называться «человеком», согласно античной морали, заслуживали только граждане, *πολιτης* древнегреческого полиса или *cives* древнеримской республики, способные разумно действовать, управлять своими эмоциями и желаниями. Иностранцы уже давали повод сомневаться в их принадлежности к роду *homo*; считались существами низшего порядка, движимыми лишь страстями и эмоциями, женщины, рабы откровенно признавались скотами, без господской власти они оказывались в полной зависимости от животных инстинктов.

Противоположное осмысление сферы человеческого утвердилось в эпоху средних веков. *Человечность* стала оцениваться не по сравнению с тем, что стояло ниже его, а, напротив, по сравнению с тем, что находилось выше – с Богом. Отсюда крайне приниженное и негативное восприятие человека; человек, в трактовке отцов церкви, – существо слабое, несовершенное, склонное к греху и порокам, а потому нуждающееся в строгом попечении и наставничестве со стороны церкви. Исидор Севильский в своих знаменитых «Этимологиях» прямо объяснял происхождение слова «*humanus*» (человеческий) от «*humus*», т.е. земля и даже еще ниже – навоз, ссылаясь при этом на Библию, повествующую о сотворении человека из праха земного.

В Эпоху Возрождения не произошло буквального восстановления античного представления о человеке, не была осуществлена его реабилитация; в XIV–XVI вв. сформировалось некое синтетич-

²⁴ Toffanin G. Storia dell'umanesimo. Napoli, 1952.

ческое понимание *человечности*, унаследовавшее как античную аргументацию, так и средневековую критику. С одной стороны, человек стал восприниматься как венец творения, как существо, наделенное разумом, душой и духом, направляющим к высшей цели; он обладал способностью творить, совершенствовать окружающий мир, общество и самого себя. С другой стороны, мыслители Ренессанса не могли игнорировать известную слабость человека, его склонности к заблуждениям и ошибкам, хрупкость самого человеческого существования, а вместе с ним и его планы, проекты и намерения - отсюда апелляция гуманистов к снисхождению, мягкости суда над человеческими деяниями.

Главным средством развития и саморазвития человека признавали образование и воспитание, овладение духовным опытом древности. Была разработана новая система гуманистического образования - *studia humanitatis*, или *humana studia*, основателем которой называют Франческо Петрарку. В отличие от средневековых «семи свободных искусств», ориентированных на познание Бога, здесь был установлен иной набор дисциплин, направленных на познание человека. Первое место среди них заняла филология, получившая не известный ни в прошлом, ни в будущем статус идеологической дисциплины гуманистов; ее основу составляло усвоение классических языков - латинского и древнегреческого. Вслед за филологией шли философия и история, основанные на изучении античных авторов, и завершала гуманистическое образование поэзия, ставшая функцией высшего, сокровенного знания. Данте, первым коронованный как непревзойденный поэт, почитался достигшим вершин познания, а его «Божественная комедия» обнаруживала непостижимые глубины мудрости в самых различных областях знания: в строении Земли и космоса, в исчислении времени, в эзотерике; ему, казалось, было открыто опережавшее века знание о сферичности Земли, геомантии, искривленности пространства и пр. Петрарка, ставший первым лауреатом среди лучших поэтов несколько десятилетий спустя, был редкостным эрудитом в области филологии, философии и истории и неслучайно первым удостоился ученой степени доктора этих наук.

Ренессансный гуманизм также оказался амбивалентным фактором: были открыты новые глубины человеческого, но одновременно получило распространение элитарное понимание человека, каковым могло считаться только лицо, обладавшее высоким цензом

образованности и воспитанности, знавшее классические языки, умевшее музицировать, владевшее живописью и поэзией; прочие были не достойны считаться homo humanus и признавались vulgus, непросвещенной массой, чернью.

Идеал vita activa

Если средневековью был присущ идеал созерцательной жизни, *vita contemplativa*, то в эпоху Возрождения утвердился иной - деятельной жизни, *vita activa*. Прежде считалось грехом вторгаться в божественное устройство природного мира, теперь же стала осуждаться как грех пассивность, бездеятельность. Жизнь получила признание как исключительная ценность; она быстротечна, коротка и конечна, загробная будущность утратила определенность и значимость. На смену умерщвлению плоти, воздержанию и аскезе средневековья пришла радость жизни во всех ее проявлениях.

Высшей радостью стала радость творчества. Так человек получал шанс увековечить себя, обессмертить свое имя. Любой акт жизни обрел смысл творчества; в ранг искусства были возведены самые обыденные, прежде незаметные занятия: строительство дома, прокладка дороги, отправление властных полномочий, запись нотариального акта, изготовление одежды, приготовление пищи, сервировка стола... Появились первые книги по искусству градостроительства, управления государством, составления документов, моды, кулинарии и т.д.

Повседневная жизнь стала эстетизироваться как искусство. Люди заметные, привлекавшие всеобщее внимание, выписывали ежедневный сценарий жизни так же, как драматург создавал драму. Большое внимание уделялось эффектному жесту, способному вызвать восхищение и подражание, меткому слову, готовому войти в поговорку. Стремление выделиться в поведении и творчестве нередко доходило до эпатажа. В эпоху Возрождения стали создаваться первые биографии великих людей, прославившихся в тех или иных видах искусства; порой они напоминали миф, к созданию которого были причастны сами возрожденцы.

Стоит вспомнить полную парадоксов биографию Леонардо да Винчи, давшую повод самым безумным толкованиям, вплоть до того, что такого деятеля никогда не существовало, и от имени Леонардо действовало целое сообщество художников и ученых; что, якобы, Леонардо да Винчи - это название одной из ренессансных

академий. Все в его действиях было необычным. Писал он левой рукой особым зеркальным шрифтом, который можно было расшифровать, только приставив зеркало. Сутки у него длились не 24 часа, как у всех, а 36 часов, в течение которых он позволял себе один сон продолжительностью не более 6 часов. Простые выходы из собственного дома этот гений обставлял как церемонию триумфального шествия; заурядный поход на рынок преподносился как феноменальное действо, о котором потом долго говорили; какому-нибудь торговцу птицами он платил баснословные деньги, выкупая всех певчих пленниц разом и выпуская их из клеток на волю. Приглашение в гости сопровождалось экстравагантными розыгрышами: то хозяин нажимал педаль, и гостей, только что усевшихся на скамью, подбрасывало до потолка; то он двигал какой-то рычаг - комната заполнялась надувавшимися бычьими пузырями, и всем приглашенным приходилось ретироваться; то он открывал одну из реторт своих алхимических приборов, и помещение заполнялось зловонием, и друзья, усевшиеся за уставленным изысканными яствами столом, кидались бежать. Свой талант скульптора Леонардо мог применять для выкладывания десятков килограммов крема на торт, в недрах которого запрятывался выкрашенный золотой краской голый мальчик. Ящерице этот деятель мог приделать крылья стрекозы и при помощи впрыскивания ртути заставить несчастное пресмыкающееся ими махать. Ночами он прокрадывался к виселицам и, заплатив сторожам, снимал трупы, а потом устраивал публичное анатомирование. И это наряду с созданием проектов аппаратов для подъема в воздух, опускания под воду, гусеничных машин и прочих механизмов.

Гениальный мастер превосходил влиятельностью и известностью самих монархов и понтификов. Характерно, например, народное итальянское высказывание той поры: «королей много, а Микеланджело один».

Деятельность стала считаться единственным условием испытания талантов, способностей, или, наоборот, средством выявления бездарности. Стало поощряться экспериментирование; неудача в одном деле не останавливала, побуждала переключиться на другое; самые настойчивые, меняя комбинации условий, продолжали эксперимент и нередко добивались успеха. Императивом времени стало циничное суждение Никколо Маккьявелли: «Фортуна подобна девке, нужно бить ее и толкать, чтобы заставить уступить».

Природа перестала удовлетворять деятельную натуру возрожденца. Появилось стремление к ее усовершенствованию. Впервые

стали создаваться искусственные ландшафты, устраивались сады и парки с искусственными прудами, фонтанами, каналами и мостами; в таких садах высаживались диковинные деревья и цветы, привезенные из чужеземных стран, разводились редкие животные и птицы в дорогих клетках. Центрирующей доминантой такого рукотворного рая был обычно дворец правителя. Первый такой дворцовый комплекс был создан Леонардо да Винчи для герцога Миланского, который сразу же сделался образцом для подражания.

Создавались проекты идеальных городов, основанных на радиальной планировке. Ставились эксперименты по трансмутации любого металла в золото, почитавшееся самым совершенным из них. Делались попытки искусственным путем создать человека - гомункулуса. Наконец, предпринимались бесконечные усилия по изготовлению эликсира бессмертия.

Идеал *vita activa*, как и другие открытия эпохи Возрождения, обнаружил разнонаправленные векторы сил: с одной стороны, он эмансипировал творческие способности человека, став стимулом ускорявшегося развития, с другой стороны, он приносил в жертву грядущему прогрессу бесценный ресурс живой природы и немалую часть человечества.

Свобода воли

На протяжении тысячи лет, с V по XV вв., доминировала доктрина Августина (354–430) о *предопределении*. Согласно ей, человек обладал слабой волей, легко поддавался соблазнам и искушениям, впадал в грех и заблуждения. Добрые деяния предопределялись проявлением воли Бога, или *провиденциализмом*, человек не мог присваивать себе заслуг в их совершении. Результатом человеческой воли или, точнее, своеволия, были только недобрые *дела*, за которые человек осуждался на адовы муки. Поэтому императивом средневековья был отказ от свободы воли и вверение себя целиком провидению Божию.

Предпосылкой ренессансного понимания *свободы воли* стали размышления Иоахима Флорского (1132–1202) и Франциска Ассизского (1181–1226).

Иоахим высказывал мысль о трех периодах человеческой истории, каждому из которых соответствовал свой уровень осмысления *свободы воли*. Первый период длился до миссии Иисуса Христа; это был период доминирования Бога-Отца: человек вел скот-

ское существование, был не в состоянии самостоятельно и разумно действовать и благом для него было полное, по сути, рабское подчинение воле Бога-Отца. Второй период начинался с миссии Иисуса Христа и продолжался до его Второго Пришествия; это был период Бога-Сына: человек обрел начала разумения, но он мог осознанно действовать только под опекой Отца, только тогда, когда он пребывал в строгом сыновьем послушании. Третий период должен был начаться со Второго Пришествия, наступление которого Иоахим пророчествовал на начало XIII в., этот период должен был осеяться Святым Духом; человек достигал полного разумения и потому получал право эмансипироваться из-под власти Бога-Отца, он обретал полную *свободу* и уже не нуждался в опеке и наставничестве со стороны церкви.

Франциск также полагал, что за прошедшее тысячелетие человек строгим постом, воздержанием и аскезой настолько укрепил и закалил свою волю, что теперь мог не бояться искушений, мог смело отвергнуть все свои органы чувств - зрение, слух, обоняние - и восхититься красотами мира; теперь человек был в состоянии сам распорядиться своей *свободой воли*, не подавляя ее, как прежде, не опасаясь зла.

В эпоху Возрождения получила распространение идея о двойственной природе воли: половина человеческих поступков предопределялась Богом, другая же половина поступков зависела от свободного выбора самого человека: обладая разумом и руководствуясь им, он мог самостоятельно осуществлять выбор между добром и злом.

Самую сильную апологию *свободы воли* дал Эразм Роттердамский (1466–1536) в своем знаменитом трактате «*De libero arbitrio*», «О свободной воле». Он отвергал доктрину Августина на том основании, что она в крайнем своем выражении снимала с человека ответственность за совершенные деяния, перелагая ее либо на Бога, либо на дьявола, делая допустимым любое преступление и злодеяние, тогда как признание свободы человеческой воли налагало ответственность за поступки на самого человека; за добрые свершения человек получал признание как при жизни, со стороны общества, так и по ее завершении, в благодати Божией; за недобрые же дела он получал наказание; без возблагодарения или осуждения, по его убеждению, не остается ни одно благое или злое деяние.

Меру величия и трагичности этого нового кредо суждено было познать уже в конце XVI в., когда наметился кризис Ренессансной культуры.

Достоинство человека

Сегодня едва ли кто будет отрицать существование исторических типов *человеческого достоинства*. В древности достоинство определялось принципом крови. Даже утверждение древнегреческого полиса с присущей ему демократией и древнеримской республики не изменило этого правила; *dignitas*, достоинство, зависело от *ius sanguinis*, права крови, от принадлежности отца и матери к римлянам, к одному из римских родов.

В средние века достоинство определялось вероисповеданием, хотя внутри сословных и корпоративных групп продолжало сохраняться значение более архаичного принципа крови: родившийся в семье знатных родителей с детства обладал достоинством знатного, а родившийся в семье простолюдина был его лишен.

В эпоху Возрождения эта норма утратила силу. *Достоинство* стало обозначаться термином *virtu*, указывающим, прежде всего, на личные качества, личную доблесть, особые отличия личности от других. *Достоинство* теперь определялось не происхождением, в котором не могло быть личных заслуг, а индивидуальными талантами, способностями, знаниями и умениями. Чем более разносторонними талантами и дарованиями выделялся человек, тем большим достоинством он обладал. Такого человека называли *homo virtuosus*, виртуозным. Все преклонялись перед талантом, гениальностью. Известно, как превозносились Леонардо да Винчи и Микеланджело. Рафаэль (1483-1520) почитался святым не с точки зрения церковного канона, но общественного мнения, и его прозвище - *Санти* - стало неотъемлемой частью фамилии. Фра Беато Анжелико (1395-1455) считали блаженным и ангелоподобным за его феноменальный дар живописи. Художник Филиппо Липпо, будучи монахом, получил от самого римского папы освобождение от обета celibата и разрешение жениться за исключительный талант живописца, чего никогда не допускалось в католической церкви.

Личный успех, общественное признание стали значить больше, чем происхождение, даже самое высокое. Настаивание на личной исключительности доходило до конфронтации с родословной традицией. Многие деятели эпохи Возрождения открыто разрывали родственные узы, *отрекались* от родителей, родового имени, избирая новые личные *имена*, прозвища, под которыми их знали друзья, а потом они становились известны всему миру. Известно, что Данте отказался от принадлежности к знатному роду *Алигьери* и при-

писался к цеху аптекарей, сменил избранное родителями неблагозвучное имя Дуранте на торжественное Dante, «дающий». Прозвищами были имена Джотто, обладатель которого почитался более, чем глава Флорентийской республики, Мазаччо (1401-1428); его картины не стеснялись копировать Рафаэль и Микеланджело, Учелло, один из создателей теории прямой перспективы, и многие другие. Характерно, что Джотто никогда не упоминал не только родительского имени, но и учителей, и на вопрос: «Кто твой учитель?» отвечал - «Природа!»

Показателем общественного признания и, соответственно, мерилom индивидуального достоинства выступали доходы, гонорары за произведения искусства, награды за победы в конкурсах. Самые выдающиеся мастера эпохи Ренессанса очень скоро становились и самыми состоятельными людьми. Антонелло да Мессина (1430–1479), первым ставший работать масляными красками в Италии, быстро разбогател и смог купить один из самых дорогих палаццо в самой Венеции. Леонардо да Винчи имел гардероб, многочисленностью, роскошью и уникальностью одежд превосходивший гардеробы самых могущественных монархов Европы.

Деньги стали неотъемлемым атрибутом человека, претендующего на достойный образ жизни. В циничной форме это новое убеждение выразил флорентийский поэт Чекко Анджольери:

Пусть родичей, кто хочет почитает,

Пою одни лишь флорины,

Они отца, и мать,

и малых деток заменяют...

В конечном счете, новое понимание достоинства оказывалось утратившим нравственные ориентиры, разрушившим традиционные представления о законности, абсолютизовавшим личное преуспевание, какими бы средствами оно ни достигалось. На смену ренессансному энтузиазму в утверждении нового исторического типа человеческого достоинства должно было прийти мнимое *virtus*, псевдодостоинство, опиравшееся на деньги и силу.

Обратная сторона титанизма

Это выражение принадлежит русскому мыслителю А.Ф. Лосеву²⁵, хотя негативистская характеристика Ренессанса имеет более давние традиции и восходит к романтизму. Для Лосева подобная

²⁵ Лосев А.Ф. Эстетика Возрождения.

оценка была значима для того, чтобы составить целостное представление о культурном феномене; он, как известно, исходил из представления о том, что понятие культуры включает в себя не только созидательные начала, но и разрушительные, равно как и эстетика - это наука не только о прекрасном, но и о **безобразном**.

Обращение к *обратной стороне титанизма* важно для понимания сложности историко-культурного **процесса**, далекого от **линейно-прогрессивной** направленности, сопровождавшегося порой движениями вспять, **реставрацией архетипических** стереотипов человеческого поведения.

Действительно, эпоха Возрождения ознаменовалась как величайшими открытиями и озарениями, так и крайним разгулом самых диких страстей и жесточайшего насилия. Возвышение человека, наделенного исключительными способностями, над прочими, абсолютизация свободы человеческой воли, крайний **индивидуализм** привели к разрушению всяких авторитетов, сдерживающих дикие инстинкты начал; подверглась дискредитации церковь с ее правом на высший, канонический суд; были девальвированы светские институты власти и законности, достаточные лишь для массы простонародья, слабого и безвольного; утратила силу иерархическая организация общества, распались традиционные **сословно-корпоративные** связи. Разразилась небывалая прежде криминальная стихия.

Человек никогда не подвергался такому поруганию и попранию, как в эпоху Ренессанса. Убить человека, не имевшего особых достоинств, ничего не стоило. Сразить насмерть соперника перестало считаться преступлением, напротив, могло ставиться в заслугу. На совести многих деятелей эпохи Возрождения были реальные загубленные души. Бенвенуто **Челлини** откровенно сообщал о подобных фактах в своем «Жизнеописании».

Правители, например, Бернабо Висконти, могли строить роскошные дворцы для собак, вменять каждому жителю в обязанность содержание определенного их числа и карать подданных смертной казнью, если какая-нибудь собака умирала от недостатка ухода за ней, демонстрируя полное презрение к человеку.

Ипполито д'Эсте, брат сеньора Феррары, имевший сан кардинала, получил известность организацией наемных убийств, налаживанием особой системы шпионажа, изуверской жестокостью; он не щадил ни старых, ни малых, ни своих братьев-бастардов. И этого человека гуманист **Кастильоне** в своем трактате «О при-

дворном» называл идеальным придворным, отличавшимся эрудицией, изысканными манерами, любезностью и остроумием,

Лоренцо Медичи, меценат и **покровитель** искусств, при чьей поддержке была воссоздана Платоновская Академия, не гнушался пользоваться ядом и кинжалом наемных убийц, а когда на него самого было организовано неудачное покушение, были начаты масштабные репрессии против всех дальних и близких родственников и друзей **Пацци**, организаторов заговора; казни и насилия держали в оцепенении всю Флоренцию; тело **Якопо** Пацци было даже вырыто из могилы, протаскано по центральным улицам и сброшено в реку. Преемники Лоренцо из Медичейского дома ославились убийствами родственников, стариков, жен и детей.

Но всех их превзошел сатанинской жестокостью **Чезаре Борджа**, незаконнорожденный сын римского папы Александра VI, получивший имя в честь основателя Римской империи Юлия Цезаря. Он лично участвовал в корридах, в единоборствах с дикими зверями, оттачивая мастерство убийцы. К власти он шел по головам и трупам убитых. Ежедневно на улицах Рима и в водах Тибра подбирали тела, и все знали, чьих это рук дело, но боялись Чезаре. Он готов был превратить убийство в театрализованное зрелище. Однажды он всю ночь пировал во дворце матери и под утро вышел вместе со своим старшим братом Гандиа; на ступенях лестницы он сделал галантный **жест**, пропуская вперед брата, и, когда тот спустился на две ступеньки ниже, выхватил из рук телохранителя **кривую** турецкую саблю и срубил брату голову; бездыханное тело упало, обгряя кровью белоснежную мраморную лестницу, а Чезаре поставил ногу на грудь поверженного и начал цитировать из «Истории Рима» Тита Ливия тот фрагмент, где повествовалось об убийстве Рема Ромулом. И это чудовище Никколо Маккьявелли считал идеальным политиком, государем, способным объединить Италию и **восстановить** ее величие.

Всякие нормы поведения были отринуты, границы **дозволенного** и **недозволенного** для индивидуалистически действовавшей личности, уверовавшей в свободу своей воли и центральное положение в мироздании, исчезли. Такой разнузданности нравов, как в эпоху Возрождения, история мировой культуры еще не знала. Институт семьи был вычеркнут из сознания как предрассудок. **Почти** ни у одного сколько-нибудь известного деятеля ренессансной культуры не было семьи; в любви, как и в прочих деяниях, все словно

состязались друг с другом - у кого больше любовниц и соблазненных. Победителем в этом скандальном соревновании вышел гуманист **Никколо д' Эсте**: общее число любовниц у него не поддавалось определению, но известно, что почти от 300 из них он имел по ребенку.

Повсюду получили распространение дома терпимости. Только в **Венеции**, одном из главных центров Ренессанса, было более 10 тысяч проституток. Некоторые из этих жриц любви добивались **значительного** влияния, например, **Ваноцца**, любовница римского папы Александра VI **Борджа**, или Империя, которую знали многие деятели искусства рубежа **XV–XVI** вв., а Рафаэль даже запечатлел ее в образе Сикстинской Мадонны. **Сиджизмондо Малатеста** в честь наиболее почитаемой им гетеры воздвиг храм, украсив его в языческом стиле. Составлялись трактаты по искусству продажной любви.

На этом фоне стали почти банальными изображения обнаженных тел; подобные бесстыдства можно было встретить не только на картинах, но и в реальности: на целебных водах, на ставших модными в ту пору курортах, речных и морских купаниях; герцог Милана Лодовико Моро любил ходить голым прямо по улицам города. Весьма популярными стали изображения эррегирующих Пана и Приапа, языческих богов природы.

Вновь, как и в античности, появилась однополая любовь; в гомосексуальных связях были замечены многие деятели эпохи Возрождения: Леонардо да Винчи привлекался к суду за **совращение** юношей, были аналогичные обвинения в адрес Рафаэля и **Микеланджело**.

Италия, а вслед за ней другие страны Западной Европы были охвачены эпидемией венерических болезней. Самой страшной из них оказался сифилис, описанный фра **Касторо** и названный так в соответствии с модой на все античное; способ излечения от этой болезни при помощи ртути был найден далеко не сразу. Кое-кто из **тангантов** (Джорджоне или тот же Рафаэль) преждевременно покинул мир из-за болезней Венеры; те же, кто смог спастись, развешивали изображения исцеленных половых органов перед иконами Христа, Девы Марии и Святых. Есть предположение, что и СПИД впервые появился в эпоху Возрождения, и одной из первых его жертв был Эразм Роттердамский.

Повально стали увлекаться магией, астрологией и прочим колдовством, для чего использовались самые безумные средства: кости младенцев, глазные яблоки, кожа, внутренние органы и пр.

Марсилио Фичино, профессор университета, глава Флорентийской академии, привлекался за занятия магией к инквизиционному суду, но избежал наказания благодаря деньгам и покровительству Медичи.

Подобная стихия самых диких страстей, регенерация самых архаических, казалось бы, давно изжитых предрассудков и суеверий стала следствием драматического переплетения множества факторов, определяемых ситуацией переходности от одного типа культуры, средневекового, к другому - новоевропейскому.

Кризис ренессансной культуры

Культура Возрождения не получила естественного продолжения в дальнейшем. Правопреемницей **ренессансных** традиций стала, как известно, эпоха Просвещения - два столетия спустя. В реальности Возрождение завершилось глубоким кризисом, и на смену ему пришли тяжелые времена Реформации и Контрреформации, религиозных войн, католической реакции, гонений на ведьм и инквизиции.

Кризис **ощущался** не только в нарастании разгула страстей в XVI в., но и во всех сферах творчества. В искусстве утверждались новые стили: маньеризм и барокко, отличавшиеся отходом от реальности и обращением к условным, символическим формам; наблюдался также возврат к готике, приобретшей специфический вид «пламенеющей готики».

В области общественной мысли наметился явный уход в утопические теории; Томас Мор, Томмазо Кампанелла, Сирано де Бержерак и Джонатан Свифт - самые известные среди широкого круга утопистов XVI-XVII вв.

В области религиозной мысли обнаружилось погружение в индивидуалистическую мистику. В философии доминирующим направлением стал скептицизм, ведущий начало от Мишеля Монтеня. Большинство открытий и изобретений оказались непосильными для реализации и были преданы забвению до лучших времен.